В день памяти Поэта

Что думаем мы, Русские, здесь, далеко от Вас, будто бы недосягаемые неправдой, будто бы неуязвимые ложью. Захотел и выключил телевизор и всё с плеч долой.

Но, это не так. Болит она, душа Русская, болит за вранье, за ложь, за разросшихся Врагов. Хочу подбодрить Вас всех, время такое (правда оно было всегда такое), но сегодня оно вылезает потому, что настали последние дни для «Них», Врагов человеческих. Им ведь всё-равно на кого нападать, лишь бы увидеть где можно уязвить - Искусство Гоголя, Кино, Театра, Гениев или простых людей. Давай, отнимай у них всё. Вот «Близь есть при дверях», там всё точно описано – «им» золото, бумажки нам. Бери, что плохо лежит, разрушай, что хорошо построено.

Самое обидное за людей, за живых людей, им больно, как было больно Христу, пока Он был в человеческом теле. Когда там Он высоко, Ему не страшно, Он еще и Бог. Но с болью смотрит Он на всё происходящее и, наверное, опять плачет, как рыдал на земле, о тех «Кто не ведуют что творят».

Возьмем мы давно ушедших к Нему людей – Гоголь, Чайковский, Тарковский, Романовы и остальные невинно оболганные.

Как только Гоголь заговорил о Боге, так съели его. Как Чайковский обернулся лицом к Спасителю, встал на колени, так вспомнили все его грехи. Всё хотят унизить. А судьи кто? Злобные, маленькие хапуги.

Вот Тарковский. Что нужно было его сыну выливать грязь на своего же отца? Деньги и больше ничего. Я достоверно знаю, что напечатанные «Дневники» были частично подделанные, частично там просто не доставало страниц, которая заботливая мать своего сына вырывала их, готовя ему, да и себе, «достойную жизнь» за границей. Она не сумела вложить в сердце сына нужную любовь и гордость за своего отца. Она вырывала страницы из Андрюшиного дневника и всё, что ей не нравилось, что ей не хотелось, чтобы мир знал о нем, она полностью контролировала всё, что он писал. Мы до сих пор не понимаем, как такая совсем непривлекательная женщина могла держать в таких ежовых рукавицах такого сильного человека, как Андрюша. «Он был слишком порядочен перед своей совестью перед Богом, он слишком боялся согрешить в этой обязанности перед своей семьей и, особенно, перед сыном», сказала мне его сестра.

А сын? Боялся ли он чего, боялся ли он перед Богом и людьми огрязнить имя своего отца? Нет. Чем он руковдствовал? Только деньгами, куда всю жизнь толкала его его мать. А кто она? Она что-либо написала, она что-либо сделала хорошего? Она запрещала Андрею видеться со своими родными, мамой и сестрой. Она поставила ему ужасный без-именный памятник!

Недавно приехала моя знакомая из Парижа, которая специально ездила к Андрюшиной могиле, и говорит - «Да, ее можно с трудном найти, нет имени». Жена написала на памятнике известному гениальному человеку - «Человек, который видел ангела». Да, «ангел» еще с маленькой буквы. Какое кащюнство! Знала ли она, что «Ангелом» он называл свою первую и чистую любовь. Отдала ли она ему икону Спасителя, которую я ему, больному, послала, написав сзади кому от кого и почему я посылаю ему Его, икону Спасителя. Ведь не было ни одной иконы у них в доме, и не потому что Андрюша не хотел иметь их. Потому что она была неверующая. Поэтому и нет креста на его могилке.

Молились мы все тогда, когда жили в Калифорнии,в Лос Анжелесе в церкви на Аргале, молились за его выздоровление. Не могли поверить, что ему надо «уходить» – ведь так рано, так молод. Я на коленях, Отец Константин и тот прослезился. Всего за несколько месяцев до его кончины. Не поэтому ли он написал в этот же время в своем дневнике: «Сегодня великая надежда поселилась у меня в душе. Не знаю от чего – просто счастье. Надежда возможности счастья. С утра солнце светит в окно, но счастье не от этого. Присутствие Господа...Я Его чувствую.» 1986 год.

Запись сохранилась чудом, наверное, Господь уберег от сокрушения злостью. А где сейчас эта Икона? Или сын тоже неверующий?Какая же должна быть необыкновенная злость ее и ее сына, основанная только на желание контролировать и быть выше того, кого ты ниже.Это, между прочим относится ко всем злыдням такого рода, они были и есть всегда.

Поэтому я обращаюсь опять к сыну Андрея Тарковского – Как же тебе не стыдно разрешить увидеть свет такой гадости, даже, если бы это была правда? Даже, если бы твой отец что-то написал в гневе или в дурном настроении,в котором постоянно держала его твоя мать – это ведь для тебя не секрет ?

Имеет ли право человек иметь свой персональный дневник, куда бы никто не заглядывал, это же должно прививаться с детства, с молоком матери - воспитание не заглядывать в чужие дневники, не читать чужие письма, даже если они открыты! И не подслушивать под дверьми, даже, если они не

притворены, а уходить, прятаться от чужой тайны, не заглядывать в чужое бельё.Так была воспитана я и так я воспитала моих дочерей. Потому что это стыдно, потому что при этом работает совесть, понятие которой не у всех теперь есть.

А как не стыдно было «друзьям» опубликовать это всё. Друзья «друзьям» рознь. Тебе, сыночек, нужно было встать грудью за честь отца. Гениев не судят, тем более яйца кур. А ведь ты ему яйцо. А молится он Там за тебя всё-равно, потому что он твой отец. Это закон природы. Мы молимся за тех, кому трудно, мы даже молимся за врагов своих.

Но за них мы молимся, как сказал Серафимушка - «Подай им Господи ума не творить Зло». Не за их успехи, а за злобу их ума. Так что же перевесло в тебе – ум или успех гадости? Ты своей откровенной книгой заработал деньги, которые пахнут. Ты заставил даже друзей твоего отца надсмехаться над ним. Мне сказал один из его «бывших», который почти в каждом своем выступлении упомянал имя Андрея Тарковского: «Да я с ним работал, он мне то-то говорил, мы были там-то...», и так далее.

Как же он обрадовался, чтобы смочь подколоть уже ушедшего гения. Радостно сообщил он мне по телефону, после выхода книги: «А, вот ваш Андрюша! Вы знаете, что он сказал о...» и пошло, и поехало. Мне было стыдно за себя, что я слушала всё это. Единственное, что успела сказать - «Вы ведь были его другом и потом кто может судить гениев...»

Да, кто Их может судить. Как когда-то говорила моя бабуля: «не тобою положено, не тебе брать». Действительно это так. Не вами положено быть Гениями, не вам Их осуждать или брать, что им принадлежит». Откуда Вы знаете, как молились согрешившие о своих грехах и какие грехи Господь прощает, какие нет? А у кого их не было, но не все стали гениями, потому что не все Избраные. «Много приглашеных, но мало избраных» - слова Спасителя.

Всё, что написано здесь – Правда, горькая правда и я надеюсь, что кто-то еще добавит к этой правде справедливый отзыв. Не очередную гадость или очередное «опровержение», которому так обрадуются в стане «Врага». Запомните, Враги, никто не имеет права поднимать грязное белье или рыться в нем. Это не делается в порядочном обществе, это стыдно, но этому должны были учить вас ваши отцы и матери, но, если они этого не сделали, то вам надо научиться этому самим, потому что вам учить ваших детей.

Я помню, как в Америке вдруг пошла мода полоскать в грязной воде имена ушедших талантливейших людях. Тут были и Бинг Кросби, и Бети Дэвис, и Марлен Монро, Кэри Грэнт, Лоренс Оливье, дошли даже и до такогопризнанного гения, как Шекспир! Они, видете ли, смели осуждать его произведения и его жизнь!

Остановил эту пакость известный Мр.Тёнер вместе со своей бывшей женой, Джейн Фонда. Была большая критика тем, кто ее начал. Даже вышел закон, запрещающий порочить таких людей. Есть много хорошего, что нам надо перенять от Американских законов. Именно, За-конов, канонов поведения. Надо из всего выбирать лучшее для подражания, но не худшее. Худшее выгодно только нашим врагам, потому что они друзья Врага Человеческого.

«Но есть и Божий суд, наперсники разврата! Есть грозный Судия: Он ждет, Он не доступен звону Злата, и мысли и дела Он знает наперед. Тогда напрасно вы прибегнете к злословью: оно вам не поможет вновь. И вы не смоете всей *вашей черной* кровью Поэта праведную кровь.»

Так точно написал Лермонтов «На смерть поэта». Что Правда, то оно вечно, что ложь, то стирается с годами, а правда выплывает наружу, будь это через много лет, как игла в стоге сена. А почему? Потому что дьявол всегда борется с Богом, боясь Его и зная, что он всё-равно не победит, а ведь всё-равно борется.

А почему Господь разрешает быть дьяволу еще на земле? А потому что Он создал его, чтобы проверить кто за Него, а кто за дьявола. Поэтому и дана человеку его свободная воля, воля выбрать себе Одного Бога, Бога Правды и Добра или «бога» Лжи.

©Светлана Свешникова(Ненов)

В день памяти Поэта - 4 Апреля 2009 года

Чем славен наш Андрей Тарковский.

Андрей Тарковский явление в нашей жизни очень значительное и редкое, как редко все, что хорошее. Он принес нам понятие того освобождения от страха, того ощущения свободы, что раньше было просто невозможно, о чем даже было запрещено думать. Время было «Хрущевское». Андрюша (по-другому я и не могу его называть, потому что только так я его звала и так его называли все) сказал по телевидению такое! - что невозможно было даже произнести вслух, за что сажали, за что снимали голову. Он, в интервью по своему фильму «Иваново Детство», на вопрос: «почему этот фильм такой сложный?», ответил - «Потому что я сам человек сложный, я совсем не простой советский человек, я сложный».

Тогда, если кто помнит то время, это был первый боевой «Советский» лозунг – «Я простой Советский человек». Этим гордились, это произносили, как заклинание, везде и по любому поводу. Я лично была тогда у телевизора и слышала всё, что было им сказано, своими собственными ушами. Была ли тогда у меня, так хорошо знавшего Андрюшу, боязнь за него? Нет. Была гордость, радость в сердце, что он, именно Он, сумел произнести «это». Сказано это было так достойно, так элегантно, с такой безукоризненной гордостью и с таким сильным, не подкопаешься, смыслом, что было ясно, что победил он. Я тогда подумала, смогла бы ли я такое сказать? Наверное бы, смогла, но меня бы тогда корова языком слизнула. Я ведь никто, а Андрюша уже был тогда «кто-то», о ком говорили, чьи работы были известны за-рубежом. Он, конечно, мог и поплатиться за сказанное, как могли за то же поплатиться и другие, и известные люди. Тогда думали так многие, а сказал только один Андрюша.

То, что он первый поднял в нашей стране и именно в то время, тему Иконы, Иконопись, важность Церкви и всего с Нею связанного, уже про-славляет его на века. Талант, это одно, но тема о Боге в нашей стране и для нашего Русского народа была тогда специальной и необходимой вехой на его пути к вере в Бога, вере в самого себя. Тогда все плыло по течению «уже налаженной жизни», как будто все поверили, что все так и будет вечно, что ничего нельзя изменить.

Знал ли Андрюша Что он делает? Конечно, знал. Ему было дано свыше, в нем был Тот Дух, который дается Избранным для подкрепления, иначе одним им просто всего этого не выдержать. Пусть в фильме «Андрей Рублев» были какие-то неточности, пусть даже Богословского толка, но он сделал то, что никто не сделал до него. Он говорил именно о Боге, о Божеском пред-на-значении в человеке, которое нельзя ничем изменить, ни силой, ни другой верой, ни юродством.

Он показал Бога во всей ЕГО красе, в цвете Икон, оставленных нам Богословом, Святым Андрем Рублевым. Он не изменил Их Лик, не изурудовал так, как сделал Эзенштейн и в «Александре Невском» и в «Иване Грозном». Пусть это было новшеством в кино, декоденством, но у Эзенштейна Иконы были фоном того времени, а не основой жизни, что было совершенно неправильно. Иконы и Православие как раз и были той двигающей силой, которую и показал Тарковский.

И, как это было всегда с Андрюшей, он пошел дальше, он обратился к совсем другим вещам, кажущимся будто бы и не связанными с этой темой, но это были про-из-ведения одного и того же порядка – это Душа чело-века, постоянно и навсегда связанная с ее Творцом. Времена ведь могут быть разные. Рублевские, когда мальчик по «наитию» делает колокол, или когда человеческий разум, его твор-чеством переносится в Космос, туда в бес-конечность, откуда он пришел и куда надобно ему возвратиться, то есть в Вечность.

О Вечности говорил Андрюша, о том как он ее видел, как ощущал, как понимал. Человек, связанный во всем со Всевысшим Разумом, управляется Им через то серое вещество, которое является частью этого безбрежного и бесконечного Оке-ана. И, чтобы ни делал человек, он всегда в нем, это величина постоянная, как Любовь, Родители, Дети, Родина.

Кажется, страшный «Солярис». Но, если всё от Творца Бога, то это не страшно? Но, конечно, страшно, потому что недосягаемо в Его Тайне этой мистерии. И не потому, что Бог грозен. А в Его недосягаемой мистической все-мирности, все-знанию и все-пониманию значения Человека, как Бытия. Это не то, что мы называем любовью к Богу, (что есть само-собой разумеющееся), а Бого-боязнь, боязнь всевышего суда, это то, что движет человеком в его Вере, значит в Боге - что и есть Вечность.

Все в свое время было дано быть раскрыто человеку. Человек всегда, с самого своего начала, мог управлять тем серым веществом, что называется мозгом, той Божественной копией, которая является составной частью этого великого Оке-ана, из чего всё вливается и выливается. Но человек не отрывается от земли, потому что он из нее создан, из этой вечной материи, которая не исчезает, не

растворяется в пространстве, а переходит из одного состояния в другое, в зависимости от Времени. А время, какое ему быть, решается Господом Богом, Господином всего.

Был ли Андрюша тогда очень религиозным, не знаю. Мне было 16, ему 24 года. Мы об этом не говорили, тогда эта тема была табу. Но мы и не уходили от этой темы, она была между нами, наверное, она нас и связала. Он называл меня «Ангелом» и всегда говорил о Высшем и «Высшем» с большой буквы. У него Понятия всегда были с большой буквы. «Я создаю фильмы (не «кино», потому что «кино» это понятие создания картин, как «театр» понятие создания спектаклей), через чувство, ощущение, я передаю чувства через фильмы. Есть замечательные фильмы, но их постановщики – реалисты, а я говорю только чувствами».

Это точное определение своему творчеству, услышала я в недавне вышедшим фильме-интервью о нем. И он очень прав. Чувства и мироощущение было привыше всего в Андрюше. Он не интересовался ни чьим мнением, у него было его собственное, он даже сторонился мнения других, чтобы не быть уязвленным. И это совершенно правильно.

«Зеркало» о его ранней жизни и чувствах, как он испытал войну и предательство его отца к их семье и его любимой маме (никогда не употреблял слово «мать»). Андрюша не мог простить отцу этого и я была даже удивлена, когда вдруг он «вытащил» своего отца и его стихи на свет. Но тогда, когда он уже сам стал очень известным. Доброта, это всё побеждающая доброта, что всегда управляла Андрюшей (хотя он был довольно суровым человеком), что заставляло его позабыть многое и многое простить. Забыть просто, поняв простые человеческие чувства, и поэтому, став отцом, он никогда не разрешал себе подобного.

«Старклер», это передача тех чувств и ощущений, что пережил Андрюша, когда они жили в сыром подвале, откуда он схватил туберкулез, который и убил его. Собака овчарка, какую он всегда мечтал иметь, но не мог из-за коммунальных условий. Может быть потом Андрюша и имел овчарку, я этого не знаю, мы расстались давно, когда мне еще не было 18 лет. Андрюша все ждал, чтобы мне исполнилось восемнадцать и мы поженились, он уже учился во ВГИКе, а я была маленькая и, наверное, глупенькая. Я не понимала, что такое любовь, что нужно «такому», как он, отдать всё и не прекословить.

Это случилось, наверное потому, что для меня Господь уготовил другое, а, когда я поняла, что должна была отложить в сторону «мое» и жить только для него, он был уже очень болен в Париже и не захотел принять меня, он уже «уходил».

Забыл ли Андрюша меня, нет, я всегда была его образом, как бывает образ у каждого человека, его идеал. Была так похожа на меня та лейтенантка из «Иванова Детства», такая же живая, красивая, курносая и смелая. Такой была и я в его последнем «Настальгии», той Итальянкой, с длиными волосами, смеющейся, красивой, недостижимой. Такой он увидел меня в тот предпоследний раз, когда просил меня вернуться и уже понять кто он и что он делает. Мне было 24 года, я тогда училась в ИНЯЗе, в том самом здании в Сокольниках, где когда-то учил он Турецкий язык. Курс закрыли и Андрюша поехал в тайгу рубить и сплавлять лес, а потом уже поступил во ВГИК.

Но в то время думала я о другом, наверное еще и потому, что в глубине точно знала, что Андрюше надо посвятить всё, чего я не могла. А когда я добилась того, что хотела в жизни, то тогда поняла, что «его» было важнее «моего», но было слишком поздно. Или этого так хотел Бог, чтобы мы пошли различными путями? Не «или», а точно.

Свершилось точно то, Что запланировал Господь. Мы пришли к Нему различными путями и от этого стали еще лучше, потому что стали еще лучше понимать - «Неисповедимы Пути Твои, Господи».

За все Ему Спаси-Бо.

© Светлана Свешникова (Ненов) 14 Марта 2006 г.

На парапете набережной Парка Культуры и Отдыха 1956 год.

Еще об Андрюше

Не было бы правильным, если бы я не рассказала о том, что действительно произошло со мной, когда Андрюши не стало. Очень долго после того как это случилось, я держала произошедшее в себе, боясь расплеснуть, боясь, что подумают, что я фантазирую. Я до сих пор вижу и чувствую это так четко и так реально, что разбуди меня ночью или загипнотизируй меня, я буду говорить одно и то же.

Теперь, когда прошло много времени, появилось много людей, понимающих такие явления, как понимала это великая Ванга, и, чтобы не унести этого со мною «туда», я должна рассказать всё, что я знала об Андрюше, потому что он стал великим и великим в понимании Бога и всего Божественного. Если бы Господь Бог его не принял, ОН не дал бы ему сделать то, что сделал он.

Теперь я слышу какие-то слова, воспоминания людей о нем, которые сами были и есть атеисты. И это полная ложь, полная неправда, чтобы как-то, хоть чем-то приуменьшить достоиство этого человека. Человеком он был, как все мы, но был человеком незаурядным и именно в его понимании Бога.

В то время, в середине 50-тых очень мало кто мог себе позволить говорить открыто о Боге, о Христе. Везде были «наушники», которые за малую взду, да даже из-за того, что считали это предательством Родины, продали бы тебя милиции, органам, которые только того и ждали. Почти все были атеисты и это не считалось зазорным, потому что время было такое.

Меня крестили в 13 лет, крестили в храме Петра и Павла, что был когда-то на Преображенке, а потом в 60-тые снесли его, мотивируя постройкой подземного перехода. Крестным был один из известнейших в то время Иерархов, Архиепископ Сергий Ларин (у него будущий Патриарх всея Руси, Пимен, был когда-то в секретарях). И взял он всё это Крещение на себя, иначе нам бы всем не сдобровать.

В семье почитали Церковь, были Богобоязненные, потому что знали, что Бог есть, но вслух ничего с посторонними не говорили. Одна бабуля с ее сестрой ходили в церковь на Елоховской и водили меня туда еще маленькой. Иконы были препрятаны у бабули в сундуке, но на стенах висели

большие старинные литографии Императрицы Алесксандры в профиль в одеянии Красного Креста, которую объясняли всем интересующимся, как просто красивую монахиню, и портрет Иоанна Кронштадского в креслах и роскошном одеянии.

Иоанна Кронштадского тогда никто не знал, как и не знали кто такая Александра, а бабуля была преклонного возраста, поэтому ее не трогали. Я знаю точно, что Иоанна она бы ни за что не отдала, хоть убей, и часто мне говорила, что это очень сильный Святой, почти такой же, как Серафим Саровский. Этих имен я не знала и тогда вообще не интересовалась никакими Святыми. Знала, что Бог есть, что «Это Что-то» такое особенное, что чувствовало мое сердце, но не боялась Его, как имею Богобоязнь сейчас. Любила бывать в церквях, пела там, рассматривала Иконы, крестилась на Них, целовала, но не придавала этому всему такого большого значения – есть БОГ – ну, есть и всё. Правда, не пропускала ни одной новой церкви, если она встречалась на моем пути, и всегда поражалась разнообразию церквей, их убранству, необыкновенному запаху и разновидностью Икон, будь той же темы. Особенно удивляло меня, что лики Спасителя и Богородицы (как и Николая Чудотворца) были всегда разные, всегда, казалось мне, походили на кого-то, кого знал живо-писец.

О Христе, что я думала о Христе. Я не думала, что Он был, думала, что это легенда, но, так как Он был изображен во всех церквях и бабуля и Крестный мне об этом говорили, то сопоставляла Его, как Бога-Святого-Всевысшего, имела уважение и больше ничего. О Христе, как о существовавшем на земле человеке, никто (наверное, кроме больших - настоящих ученых и настоящих Архиреях) у нас тогда вообще не говорил. Это было какое-то табу.

Но, чтобы пояснить как это все относится к Андрюше, я расскажу вначале, как мы встретились и что нас так тесно связало. Произошло это в какой-то компании на улице Горького, в чьей-то большой квартире, где собирались люди определенного круга. Я была тогда довольно начитанной девушкой, наверное, необычного склада ума и меня тянуло к таким же людям. Больше всего разговоров шло тогда о «Кино». Это было время показа трофейных кинофильмов почти во всех кинотеатрах, наверное, самых лучших из того, чего мы никогда не видели. «Я думаю, что Кино это искусство», сказал мне Андрюша, «А Вы как думаете?» (он называл меня тогда на «Вы»). «Я тоже так думаю», ответила я. «А какой для Вас самый лучший фильм?», спросил он. «Чайки умирают в гаване» (это был Шведский фильм). У него округлились глаза –«Для меня тоже». Редко кто знал об этом фильме. Это очень сроднило нас. Теперь Андрюша как бы открылся мне, он говорил о самом заветном, о самом сокровенном.

Но я была еще школьница и Андрюша приходил к нам домой на Красные Ворота и ждал пока я прийду из школы. Моя мама его обожала. Он прекрасно играл на пьяно, а у нас в большой двадцатичетырехметровой комнате с огромными окнами на Садовое кольцо, было всегда много солнца и стояло Немецкое слоновой кости пианино «Шрёдер».

Андрюша играл прекрасно джаз, что тогда поражало меня, потому что это была запрещенная музыка. Я уже знала тогда о классическом джазе – маме подарили трофейный радиопремник «Телефункен» и он прекрасно и чисто принимал все станции мира. У меня был хороший голос и я подражала тогда Бинг Кросби и Дорис Дэй. Часто Андрюша пел мне «Мэри Лю, Мэри Лю-у, только ты знаешь песню мою. Мэри Лю, Мэри Лю за тебя все бокалы я пью. Пусть мне штормом грозят океаны, я пройду сквозь пурги и туманы, и тогда Мэри Лю, я своею тебя назову».

Бог мой свидетель, я тогда не знала, что это означало, просто мне нравилась эта песенка и я тоже ее пела с ним. Мама удивлялась, «Неужели ты ничего не понимаешь?» А что было понимать, мне было 16 лет, замуж я не собиралась, а Андрюша говорил, что ждет когда мне будет 18. Он часто куда-то уезжал, говорил на заработки, меня это тоже не интересовало. Тогда люди не очень интересовались деньгами, было достаточно и хватит, больше интересовались искусством, музеями, Консерваторией.

Попасть в театры было трудно, но вот кино было на каждом шагу. Правда, потом перестали давать трофейные фильмы, а больше Итальянские – Неореализм, которые мы смотрели по много-много раз и почти все знали наизусть. Нас с Андрюшей поразил фильм «Похитители велосипедов», это был фильм Виторио Де Сика. Раз Андрюша пригласил меня в Дом Кино на фильм «Разбитые мечты» с Масимо Джероти и Сильваной Панпанини. Когда мы стояли внизу в гардиробной (тогда Дом Кино был в одном здании с гостиницей «Советской»), люди переглядывались и указывали на меня. Я не обращала внимания. «Смотри, они думают, что ты эта актриса», шепнул мне Андрей. Неправда, я и не могла подумать, что могу быть похожа на такую красавицу, но Андрюша был очень горд, потому что потом его спросили откуда он меня взял.

В те годы практически некуда было деться, не было дешевых кафе, где можно было за чашкой чая поговорить. Мы ходили или в Парк Культуры, или сидели где-то на скамеечке в скверике (скамеечек тогда было очень мало), или просто ходили по всей Москве пешком. Тогда-то и научил меня Андрюша распознавать кто и как живет. «Ты любишь смотреть на окна домов?» «Да, очень люблю». «А ты смотри на занавески, на абажуры, на лампы, на мебель и старайся представить кто там живет, чем он занимается, о чем он думает». Он так много мог рассказать через эти окна, я слушала, затаив дыхание, и все казалось мне верным. Я никогда не забыла этого урока и когда, уже в 1990 году я приехала в Москву и мы жили с мужем в гостинице «Президент», я ходила по улицам и в открытые форточки, уже тогда грязных-пригрязных окон, бросала деньги, всё, что могла.

Вот в один из таких дней, когда мы с Андреем заговорили о чем-то очень серьезном (я, конечно, больше молчала, говорил он, а я только слушала много нового и сложного для меня), Андрюша вдруг заговорил о Христе, о том, что ОН точно был, был живой, не какое-либо чудо, а ходил по земле - Он, живой Бог. Мне трудно было это слышать, я этого не понимала – Бог, Всевысший Разум, и вдруг по земле. «Где это было?» «В Палестине». Для меня это как в какой-то неведомой далекой стране да еще две тысячи лет назад. Наверное, у меня был такой вид, что он сказал, «Да, все не верят, но это правда». «А, ты откуда знаешь?» «Мне рассказал один человек, пойдем как-нибудь к нему, я тебя с ним познакомлю».

И один день он повел меня к нему, но не домой, а в Ленинскую библиотеку. Мы вошли в этот огромный зал с очень высоким потолком, всюду стилажи книг, огромные окна, люстры, балкон на самом верху опаясовал зал, а внизу за длинными столами сидело много-много людей, над каждым была под зеленым колпаком лампа и все читали! Была гробовая, но какая-то уважительная тишина. Я сразу позавидовала этим людям и захотела тоже так вот сидеть, быть обложенной книгами и читать-читать.

Андрюша повел меня куда-то в какой-то угол стола и там, в самом конце сидел сгорбленный человечек, склонившийся над книгой. «Здравствуйте, (не помню первого имени) Моисеевич», прошептал Андрюша, «Вот я привел Вам девушку, о которой Вам говорил, ее зовут Светлана». Человек ко мне обернулся и я увидела худого-худого, в очень старой одежде, в очках пожилого человека, пахнущего старой одеждой. Он протянул мне руку, «Очень приятно, Андрей много рассказывал мне о Вас». «Скажите ей, пожалуйста, - попросил Андрей – был ли Христос». «Был, это написано во всех книгах». Все это было произнесено шопотом, совсем тихо, чтобы не смущать других читающих.

Потом они с Андрюшей стали говорить о чем-то долго, наклонившись друг к другу. Я стояла и наблюдала за этим необыкновенном человеком и с каким уважением говорил с ним Андрюша. Когда они кончили разговаривать, этот человек протянул мне руку, «До свидания, Светлана», Андрюша поцеловал его и они обнялись.

Мы вышли. «Кто это, Андрюша», спросила я. «Это самый умный человек, это Гинсбург, он знает всё, это ходящая энциклопедия, ему можно задать любой вопрос и он на него ответит!» «А о каких книгах он говорил?» «О Библии». «А, разве ее можно читать и где ее найти?» «Здесь, в этой библиотеке, здесь есть все книги мира, но не всем их выдают читать». «А, почему ему дадут, а мне нет», спросила я. «Потому что он Гинсбург, он ученый, его все знают, ему дают все книги, которые он попросит. Он сидит здесь каждый день, каждый день его можно найти здесь». «А, что у него никого нет, о нем некому заботиться?», опять настаивала я. «Никого, у него нет семьи, он совсем один со своими книгами, он ни о чем ни заботиться, к нему за вопросами приходят все кто хочет и всем он отвечает». «Я буду стирать ему его рубашки», сказала я. «Дурочка, ему ничего не нужно», ответил Андрюша и поцеловал меня в лоб. Сколоко лет должно было пройти, чтобы я нашла и Библию, и другие книги, подтверждающие, что ОН был и был на земле, и был в человеческом обличии, и что Он и есть тот самый БОГ, кого мы всегда ищем на небесах.

Так мог ли такой человек, как Андрюша, сказать о Христе, что Тот был просто разбойник и всё. Конечно, не мог. Он знал, что Христос был и он знал, Кем! Христос был, он прочитал о Нем всё, прежде чем он взялся за «Андрея Рублева». И прочитал то, что нам не доступно было читать, он был вхож в те залы «Ленинки», куда не всех пускали, только по особым пропускам. А, что рассказал ему господин Гинсбург, который по словам Андрюши родился еще «до царя Гороха», нам неизвестно. Но было видно всё по его «Андрею Рублеву», что знал, что что-то ему было ведомо, что было неведомо другим. Наверное, поэтому замирало сердце, когда в конце черно-белого фильма, вдруг по-явились Иконы в цвете живые и полилась Божественная музыка, и рассыпались яблоки около воды, и

подбирали их белые кони. Откуда была у Андрюши эта любовь к лошадям я не знаю, но было поразительно, что он показал их вместе с Иконами, с Вечностью.

Смотрела я уже «Рублева» в зрелом возрасте, уже имела дитё, но тогда в Доме Кино, куда было невозможно попасть на первый просмотр «Андрея Рублева», когда стояла конная милиция вокруг, я прошла к главному входу и ждала когда пройдет Андрей. Он пришел со стороны Белорусского вокзала, окруженный толпой, там была его сестра, еще какие-то люди, кого я не знала, и я, выйдя вперед просто громко сказала «Андрюша!» Он быстро обернулся, увидел меня и спросил «Что?» «Я бы хотела пройти на твой фильм». «Пропустите ее», обернулся он к стоящим в дверях и быстро вошел внутрь.

Мест совсем не было и я сидела где-то сбоку, кто-то мне заботливо откуда-то подставил стул. Фильм был трудный для меня, очень трудный, но я видела в нем всего Андрюшу, его знания, искания, сомнения и ту необыкновенную смелость, что зовется гениальностью, уже признанную миром. А я тут была просто смотрящий его работу и, когда я увидела заключительную сцену в красках, я просто расплакалась, мне стало так больно за себя, так обидно, что я потеряла, что я не сумела понять чего он хочет от женщины, что я должна была сделать, чем поступиться, чтобы он творил, что делают все женщины для большого художника. Но жизнь шла своим чередом, он там, а я здесь.

Как-то, через несколько лет, почти перед самым моим отъездом за границу (правда, я еще не знала, что уеду) я позвонила ему и попросила встречи. Он даже не спросил меня по какому поводу, он просто сказал «хорошо» и назвал тот же «Дом Кино». Я хотела его попросить за кого-то, зная, что он мне не откажет, но вышло все по-иному. Он пришел точно в минуту и пригласил меня в чьей-то кабинет, сел напротив в креслах и смотрел на меня пристально и молчал. Я знаю, что он ожидал от меня, но я начала какой-то абстракный разговор, как он живет, как мама, он отвечал коротко, все не сводя с меня глаз.

Тогда я его спросила «А, как ты, есть ли у тебя друзья, которые думают как ты, общие взгляды?» «Нет, таких нет». «А как же этот фильм «Дворянское гнездо?» (Я сама этого фильма не видела, все о нем только и говорили, были огромные очереди в кинотеатры, да я еще много работала на фирме, дочка, совсем не было времени) «Что ты, мы совсем разные люди, я никого не имею», был ответ.

О чем мы еще говорили я не помню, помню, что эта фраза просто ошеломила меня. Как он одинок, а я ему ничего не могу предложить. Я встала, мы попрощались, поцеловались в щечку и я вышла. Это была наша последняя встреча. Конечно, я не попросила о чем хотела. Потом всю жизнь звучали у меня эти его слова и он оказался прав. Кто сделал этот красивый фильм оказался атеистом. Я несколько раз слушала интервью с ним, ждала, что он изменится, ведь такой Брат, такой Отец! Но на все воля Божья. Вот талант, но какое-то другое видение вещей, земное. Доброта человека, исходит только от самого человека, а не от Бога в человеке. Или красота, течение времени, изменение человека исходит только от него, а не от влившегося в него понимания предначертания Всевысшего. Мы чувствуем это так, но режиссер разъясняет это в интервью по-своему, четко говоря - «Я не верю в то, что думает мой брат Никита». Не поэтому ли не сошлись характерами он и Шерли МакЛейн, ведь она такая верующая?

Мало, кто воистину верит в Холивуде. Вот потому Холивуд не принял «12» Никиты Михалкова. Потому, что заключительная сцена была о Боге. А почему получил приз «Остров» в Италии? Все потому же, там о Боге, Итальянцы это очень понимают. Почему один из самых великолепных фильмов человечества «Страсти Христовы» Мел Гибсона не получил премий в Америке? Опять всё по тому же – там о БОГЕ, о ХРИСТЕ. Так не важно кто делает фильм, а о чем он говорит - важно.

И теперь в заключении, о чем было в самом начале.

Я все-таки не ожидала, что Андрюша умрет (не люблю этого слова, но «если семя не умрет, оно и не прорастет, не даст новую жизнь, не воскреснет»), ну, заболел, заболел серьезно, выкарабкается. И тут, один день кто-то мне сказал, что это случилось. «Когда, почему я этого не знала?» «Да, уже дня два». Меня как громом ударило, бросилась к телевизору, там говорили о нем. Вечером рано пошла спать и только заснула явился мне Андрюша, так на весь экран. Да, это было как в кино – на весь экран только одно его лицо, каким я его знала. И мы провели с ним, как бы прожили всю жизнь, какую бы нам, наверное, хотелось прожить. Легкость, понимание во всем, несходящая улыбка ни с его, ни с моего лица, какая-то радость, бесконечные разговоры. Переговорили обо всем на свете и всё «да-да-да!», и не было ничего «нет, не так». Всё как бы одно и всё время ощучалось какое-то необыкновенное

счастье, необычайная близость, но не плотская, какая-то любовь, но не земная, сладость, но только в голове, в сердце, как-будто не было ног. К утру сказал он мне «До завтра».

Весь день я думала о случившимся, боясь, что это сон, что он больше не придет, но только я ложилась спать и закрывала глаза, он уже ждал меня. Так продолжалось три дня. Я просыпалась утром и как бы прощалась с ним до вечера, а вечером опять этот огромный экран и одно его лицо. На третий день он сказал, «Это всё, я больше к тебе не приду, до свидания». Я стала его просить не уходить, его большое и доброе лицо сказало мне «нет, я должен идти». Я заплакала и проснулась в слезах. Целый день я была не своя, ждала ночи, но это больше не повторилось, не повторилось никогда.

Когда позже мне случалось быть очень плохо, плохо до сознания, что больше не хочу этой страшной боли, что хочу туда, где он, где только хорошо и легко, я приходила вечером, когда никого нет на берег Тихого океана (мы жили поблизости), садилась на песок и выла и кричала «Андрюша, помоги, я больше не могу». И я чувствовала, что он меня слышал, потому, что я, как бы слышала его слова, «все пройдет, все будет хорошо, иди домой, я с тобой, я помогу, я попрошу». Да, именно так - «я попрошу». И я успокаивалась, шла домой, потому что я знала, что кто-то за меня просит, молится. Это было точно так, потому что, когда я была у Ванги, она сказала, «Андрей здесь». Да, он там, он жив, как живы все, кто нам близок. Теперь и я молюсь о нем каждый день, о его семье, о его сыновьях «и ныне и присно и во веки веков».

Пусть всё что я сказала не встревожит никого, Я прожила мою жизнь и живу сейчас очень счастливо, вот уже 38 лет и ни о чем не жалею. Я ни в коем случае не хочу отнять чью-то любовь, показать свою значимость, просто, как говорится в Библии - «У Бога любви много и Он любит каждого и любит по Своему». Также и Андрюша. Ему было дано от Бога то, что ему полагалось, что он заслужил своей жизнью, своими деяниями. И, что он когда-то грешил, гадал или делал чего-то такое, что казалось окружающим неверным, то всё это было попущение Божье, потому что на весы клалось самое важное в нем – его ничем непобедимая вера в Всевышнего, в этот океан Вечности, никогда не исчезающий и всегда помогающий. Я просто рада, что Господь и меня избрал быть одной такой частицей этого великого деяния – Андрея Тарковского.

Аминь.

© Светлана Свешникова (Ненов) Пост, Март 2008 г.